

Влада Ильинская

Клонируем полковничьи ошибки

300 на красное

Путник, пойдя возвести
нашим гражданам в Лакедемоне,
Что, их заветы блюдя,
здесь мы костями полегли...

Симонид Кеосский

что легло на кон – останется на кону,
победитель с пустыми руками пойдет ко дну,
частота затрещит, внезапно замкнет волну
и он вынырнет на специальную глубину,
где под тоннами тьмы гигантские правят рыбы,
в их кальмарах дымится глубоководный ил –
ядовитая взвесь из павших у фермопил.
победитель здесь навсегда обретает тыл,
героический газ ленивого не убил...
и кому теперь достанется эта прибыль?
потому что победа – кардиогенный шок
нам под ней так прохладно,
так приторно хорошо,
что не парят ни узошь шор, ни уколы шпор,
ни разверстые пасти предателей и обжор –
наркотический сон, стопроцентный глубокий сопор
победитель преломит хлеб со своим врагом,
чешуей сверкая во мраке подводных гор,
и они разопьют коралловый самогон,

наблюдая за тем, как в пучину уходит кон,
и коньки в него алчно впиваются, словно штопор

гешефт тьюринга

закроет в прихожей дверь. обязательно проверит, закрыта ли
(один или больше раз?)
проходи на кухню, где пахнет теплым песочным тестом
(тебе точно нравится этот запах?)
устраивайся удобней
(в одной из бесчисленных клеток с одинаковой планировкой
выбери табурет спиной к двери
в кухню –
ты гость на этом празднике жизни)
узнай у хозяина о здоровье и о том, платит ли так же исправно
пособие хесед.
(а хочешь спросить о том, как досталась ему эта двушка
почти что в центре?)
достанет коньяк, разольет по фарфоровым рыбкам
(совершенно не обязательно, пусть по граненым стаканам)
расскажет как его жизнь под пристрастной заботой родичей
мелодична.
сколько оттенков
имеет «скверный мальчишка»
(тут не включайся только эмоционально)
мать: финкельсон серафима львовна, работник культуры,
пала, хоть молодцом
продержалась до самой смерти. предварительно вывезла
статую из египта, так что денег
могло бы хватить на четыре замка.
(но кокаина, как видишь, нигде не бывает мало)
что до отца, он всегда говорил «пожалуй».
и потому никогда ничего не бывало мало. и
потому никогда никому не бывало мало.
на подоконнике – то ли менора, а то ли китайский веер.
был бы ты тьюрингом,
ты бы кому поверил?

ПОЛКОВНИК

полковник спит – дела его ништяк:
стекает семя на имперский стяг
и тлеет недокуренный косяк,
окутывая дымом обнаженных...

на вымышленном фронте главный гость –
полковник спит, и битва – на авось...
и где-то спят дырявые насквозь
полковником оставленные жены

полковнику приснятся зеркала,
где на повестке старые дела
и вместо отражений только мгла –
лишь силуэт безликий, безучастный –

и следом незатейливый сюжет:
о мальчике, сбегавшем чуть свет –
по насту ледяному без штиблет –
чтоб только с папой дома не встречаться

что мы – по сути – кроме темноты?
текстуры выворачивают стык,
и исчезает все, к чему привык, –
и ничего не видно, кроме кода...

пусть за плечами невелик пробег –
полковник спит, не поднимая век,
ведь из-под них струится теплый снег
и дарит долгожданную свободу...

и вот уже по горлышко в воде
он вспомнит анекдоты о дожде,
которые одна из лошадей
пыталась рассказать на переправе...

вчера – полковник, нынче – адмирал,
захлебываясь, выхрипит: «аврал!»
и вроде бы никто не умирал,
но мы молчанье нарушать не вправе...

полковник спит, как минимум сто лет
полковник спит, дела его – привет:
остов ковчега придавил скелет,
снут повсюду золотые рыбки,

нехитрый завершая натюрморт.
и бьются – то о череп, то о борт,
как жены, что не делают аборт,
клонирюя полковничьи ошибки

мирный атом

трепещет в логове маньяк
под дулом стонет киллер
в сенат подался Керуак
в ашрам отчалил Миллер
Лавкрафт и Эдгар Алан По
в наглаженных рубашках
суют прохожим у сильпо
«Сторожевую башню»
Гомер сраженный красотой
расстреливает Гойю
Симон Петлюра и Толстой
в обнимку входят в Трюю
на лобном месте у дворца
копают трапом яму
чтоб в ней резвился без конца
несносный Фукуяма
летит история в биде
помянутая всеу

и плотник Данте на воде
девятый круг рисует
там дружно водят хоровод
тараски и ацтеки
и мирный атом восстает
в тени библиотеки

кентавр

вот она плоть – ни выдохнуть, ни вдохнуть.
вот она кровь – ни выпить, ни отравить.
коркой морозной зарос под копытом путь –
и не пройти, и теперь уже не проплыть.
он вспоминает: шелковые бока,
острые скулы, цепкий горящий взгляд –
облик едва проступает сквозь облака
и опускается синим туманом с гряд.
делает шаг – и копыта уходят в грунт,
всякий галоп превращается в бег трусцой.
звезды ложатся на пышущий жаром круп,
в отблеске льда он видит ее лицо.
демон хрустальный вступает в свои права,
шорохом снежным укутывает живот.
торс застывает, но белая голова
моргает, оглядывается, живет

